

славленія Божіей Матери», претворенный въ форму статуи, часто былъ одной изъ наиболѣе почитаемыхъ святынь во многихъ западныхъ храмахъ.

Такое изображеніе, восходящее къ XII вѣку, есть и въ Парижѣ, въ соборѣ. Оно извѣстно подъ именемъ: «Ла Вьержъ де мажесте; по русски смыслъ этого наименованія, повидимому, точнѣ всего передается словами: «Приснолѣва въ величїи (или въ славѣ)». Здѣсь Божія Матерь, иконографически уже нѣсколько другая, чѣмъ разсмотрѣнные выше памятники, — Она сидитъ съ Младенцемъ на престолѣ въ нишѣ. Указаніемъ на еще не вполне нарушенную связь съ Востокомъ можетъ служить куполь византійскаго храма, увѣнчивающей середину свода ниши.

Такъ Римъ VI вѣка, Константинополь X-го, Парижъ XII-го, Новгородская земля XV вѣка, другъ другу подаютъ единый, созвучный голосъ прославленія Божіей Матери.

Въ Москвѣ до послѣдняго времени существовала старинная церковь Похвалы Пресвятой Богородицы. Она теперь уничтожается большевиками.

Но мы вѣримъ, что вмѣсто нея духомъ твердыхъ русскихъ людей строятся многіе нерукотворные храмы Прославленія Царицы Небесной въ душахъ вѣрующихъ, ибо знаемъ, и не по слухамъ, а изъ устъ очевидцевъ, какая борьба, и часто побѣдоносная, за эти души ведется въ Россїи новыми исповѣдниками и мучениками.

Ихъ предшественники болѣе 1700 лѣтъ тому назадъ въ темныхъ катакомбахъ Рима, во времена жестокихъ гоненій, запечатлѣли на стѣнахъ подземелій славу, хвалу и благодарность Богородицѣ.

Да послужатъ эти изображенія до сихъ поръ существующія, всѣмъ слабымъ духомъ ободреніемъ и символомъ грядущей и теперь побѣды свѣта надъ тьмой.

В. П. Рябушинскій

Жалость, какъ основа любви къ ближнему въ русской жизни

Ни одинъ человекъ не заслуживаетъ похвалы.
Но каждый человекъ достоинъ жалости.

В. Розановъ «Уединенное».

Никто и никогда не измѣрялъ силу мировыхъ культуръ степенью техническихъ успѣховъ, создавшихъ ихъ народовъ. Технические успѣхи смѣнялись другими. — пирамиды — колоннадами Греціи и Рима, колоннады — средневѣковыми соборами, — средневѣковые — искусствомъ Возрожденія, а это Эйфелевой башней и небоскребами.

Протекали года, — пирамиды, «священные страшной святостью вѣковъ», становились пунктомъ привлеченія туристовъ,

храмы рушились, создавшіе ихъ народы безслѣдно исчезали.

Техническіе успѣхи не покоряли міра.

Бого-человѣкъ, родившійся въ презираемой Іудеѣ, Будда, проведеншій жизнь отшельникомъ. Магометъ — сынъ пустыни — вотъ тѣ, кто покорялъ людей, кто создавалъ и создаетъ не государства, а культуры.

Безъ поясненій ясно въ чемъ сила культуры. Двигатель ихъ — это та внутренняя идея, которая заложена въ нихъ, при-

чина ихъ роста — сила идеи и тѣ пути, по которымъ она вливается въ жизнь.

Нѣтъ смысла доказывать, что единая идея, единая истина наиболѣе ясно и полно заключена въ христіанствѣ. Не нужно доказывать и того, что христіанская культура нашла лучшіе пути воплощенія идеи въ жизнь. Но необходимо и нужно взглянуть, — какъ и откуда русская культура почерпнула эти идеи и силы, какъ она ихъ воплотила и по какимъ путямъ двинула ихъ въ жизнь. Только тогда можно понять не только душу народа, но и проникнуться вѣрой въ него, въ его будущее, въ его грядущую миссію, — найти смыслъ въ ней и приложить этотъ смыслъ къ себѣ.

Въ русскомъ простонародномъ языкѣ слово «жалость» является часто синонимомъ слова «любовь».

Каждый изъ насъ понимаетъ, что мать всегда больше всего любитъ неудачнѣйшаго изъ своихъ дѣтей, — народъ говорить «жалѣть», тонко и мудро подчеркивая остроту и глубину этой особенной любви.

Основой жалости является не гордость за человѣка, не любованіе имъ, а глубокое состраданіе къ нему даже въ его порокахъ, недостаткахъ и несчастьяхъ и вытекающее отсюда желаніе помочь ему.

Поэтому о недоразвитыхъ, умственно-убогихъ людяхъ народъ сострадательно-любовно говорить «блаженненькій».

Всякій грѣхъ есть тяжесть на душѣ человѣка, всякій грѣхъ дѣлаетъ человѣка несчастнымъ. И осужденный за преступленіе арестантъ есть въ понятіи народа «несчастненькій». Характерно, что до осужденія арестантъ не является несчастненькимъ — только послѣ осужденія, когда его виновность установлена, когда тяжесть грѣха, лежащаго на немъ, окончательно выяснена, — только тогда воз-

ры народа обращаются къ нему съ состраданіемъ.

Соня Мармеладова, простая, немудрствующая, дивно выражаетъ это чувство народа, когда узнаетъ о преступленіи Раскольниковова:

«Что ты надъ собою сдѣлалъ?» въ ужасѣ восклинаетъ она «Надъ собою», а не надъ старухой. Ей ужасно, что онъ несетъ такую страшную, непосильную ношу, что онъ такъ изуродовалъ свою душу. И именно изъ ея жалости къ нему рождается — любовь.

Жалость порождаетъ пониманіе и прощеніе и это пониманіе и прощеніе характерно для русской жизни. Не отсюда ли вытекаетъ поразительная незлобивость нашего народа, необыкновенная мягкость и женственность его души.

Въ обыкновенной жизни трудно отыскивать зерна культурнаго сознанія, трудно очищать отъ шелухи сокровища духа и поэтому громадна роль литературы и философіи выявляющихъ эту сущность, являющихся тѣми вершинами, которыя стоятъ среди народнаго океана, сверкающе и неизмѣнно, подобно снѣжнымъ горамъ. И если мы обратимся къ этимъ столпамъ, намъ будетъ чѣмъ гордиться.

Исторія русской церкви отличается рѣзко отъ исторіи западныхъ церквей. Въ то время, какъ на Западѣ мы встрѣчаемъ рѣзкую нетерпимость церкви къ инакомыслящимъ, давленіе на мысль, у насъ издревле терпимость ко всѣмъ религіямъ. Голосъ Іосифа Волоколамскаго встрѣчаетъ отвѣдъ со стороны Нила Сорскаго и «Заволжскихъ старцевъ», гоненія на старообрядцевъ исходятъ не изъ глубинъ православной церкви, предпочитающей увѣщеванія и наставленія а отъ русскихъ правящихъ круговъ. Эти гоненія носятъ характеръ политической, а не религіозной.

Если сопоставить основные мотивы дѣй-

ствій западныхъ церквей и православія, то лозунгомъ западныхъ церквей будетъ: — «Человѣкъ долженъ быть приведенъ ко Христу», а православія: — «Человѣкъ долженъ самъ придти ко Христу».

Испанскіе конквистадоры насильно крестятъ индѣйцевъ, испанскіе короли жгутъ евреевъ, спасая ихъ души.

Средневѣковое католичество въ бѣдствующей толпѣ создаетъ массовые процессы вѣдмъ. Тысячи женщинъ, одержимыхъ психозомъ, даютъ абсолютно стереотипныя, безконечно повторяющіяся показанія о своихъ сношеніяхъ съ дьяволомъ. Русская церковь не знаетъ ни религіозныхъ гоненій, ни этихъ чудовищныхъ процессововъ.

Соломонъ Рейнакъ, ищущій въ религіяхъ, прежде всего, начала умиротворенія, примиренія, какъ онъ называетъ — «орфеизма» въ своей исторіи религіи «Орфей», неоднократно и особенно подчеркиваетъ эту черту развитаго примиренія — орфеизма въ православіи и вѣротерпимость его и это признаніе должно быть особенно цѣннымъ, такъ какъ Рейнакъ является, можетъ быть, однимъ изъ откровеннѣйшихъ атеистовъ нашихъ дней. Эта терпимость вытекаетъ, конечно, только изъ сознанія несовершенства человѣческой природы и это-то сознаніе и порождаетъ ту жалость къ человѣку, которая является основной чертой русской религіозной жизни.

Въ концѣ концовъ, проповѣдуются два вида любви къ ближнему. Одинъ — это любовь къ человѣчеству, къ нѣкоей теоретически - абстрактной величинѣ, — это исхожденіе изъ того положенія, что можно знать, какъ устроить хорошо человѣческую жизнь на землѣ человѣческими же силами и какъ сдѣлать человѣчество, а стало-быть, и всякаго человѣка — счастливымъ. Это утвержденіе Великаго Инквизитора у Достоевскаго. Это поло-

женіе требуетъ активности, направленной на пересозданіе структуры общества въ намѣченномъ направленіи, социальныхъ реформъ уничтоженія тѣхъ, кто этимъ реформамъ препятствуетъ и кто «не желаетъ стать счастливымъ» по указанному рецепту.

При воинствующемъ религіозномъ фанатизмѣ — это святая инквизиція, при атеизмѣ — это опытъ Ленина.

Другой видъ любви исходитъ изъ положенія, что человѣкъ можетъ быть счастливымъ только въ самомъ себѣ, только въ своемъ внутреннемъ мірѣ. Передѣлывать міръ социальнo — бесполезно. Это его не исправитъ, ибо люди останутся тѣ-же, — счастье не въ социальной структурѣ; — Диогены счастливы въ бочкахъ, цари несчастны на престолахъ.

При этомъ положеніи помощь міру заключается въ помощи каждому человѣку, такъ какъ каждый несовершененъ и, стало-быть, каждый несчастливъ. Это — постоянная жалость къ ближнему, постоянное услуженіе ему, — ближнему, т. е. каждому отдѣльному человѣку съ которымъ такъ мыслящій связанъ; это обращеніе не къ социальнo - обезличенному понятію человѣчества, а къ воплощенно-конкретному живому человѣку.

Изъ глубины народно - православнаго религіознаго сознанія вытекаетъ кажущаяся неактивность православія въ смыслѣ внѣшняго завоеванія міра, что такъ часто ставятъ православію въ вину, — противопоставляя католицизмъ. Но какой смыслъ завладѣть всѣмъ міромъ, а душу свою погубить, а душа православія въ томъ, чтобы идти не ко в с ѣ м ѣ, а къ к а ж д о м у. Оно приходитъ къ каждому, но за нимъ идутъ только тѣ, кто добровольно пріяли его.

Народный образъ Христа и святыхъ, въ рубищахъ обходящихъ Россію, заглядывающихъ въ самые убогіе углы, въ самыя

нишія избы, — это образы не владыкъ, идущихъ править міромъ, — въ славѣ своей покоряющихъ его. Это идущіе къ **человѣкамъ**, а не къ **человѣчеству**.

На вершинахъ народныхъ культуръ, гдѣ повседневность преобразуется рукой художника и гдѣ концентрируются эманации духа народовъ, лучше всего отражаются тѣ глубочайшія и трудно уловимыя обычно основы духовной жизни, составляющія сущность того, что называется народной культурой и которая въ значительной степени предопредѣляютъ историческіе и культурные пути развитія народовъ.

Достаточно взять на удачу нѣсколько именъ: — Гоголь, Толстой, Лѣсковъ, Достоевскій, Соловьевъ. Непроходимая пропасть отдѣляетъ этихъ ирраціоналистовъ, этихъ мистиковъ отъ разумныхъ, спокойныхъ самоувѣренныхъ западныхъ ихъ собратьевъ.

Тѣ учать — какъ жить, а эти — **ч ѣ м ѣ ж и т ь**.

Вѣдь старецъ Зосима не проповѣдникъ же, въ самомъ дѣлѣ, соціальной переустройке, — міръ, по его словамъ, изменится потому, что люди устыдятся своихъ пороковъ. Богатые устыдятся своего богатства, но и бѣдные устыдятся брать его у нихъ, — смыслъ его проповѣди. Какова глубина того, что Рейнакъ назвалъ — орфеизмъ!

Наша литература учитъ не любви къ **человѣчеству**, не соціальнымъ переустройкамъ, — а именно жалости. Эту традицію начинаетъ Гоголь вѣчнымъ образомъ чиновника изъ «Шинели» и литература неизмѣнно вѣрна ей до нашихъ дней. У Достоевскаго жалость становится основной, красной нитью творчества, гдѣ всѣ нагроможденія несчастій, гдѣ всѣ муки и терзанія героевъ ведутъ къ одному: показать, какъ несчастны люди, какъ они заслуживаютъ жалости.

Это высшее выраженіе и искусства и религіозной мысли, лежащей въ основѣ русской культуры.

Литература Россіи — православна.

Религія представляетъ собою не только истину, открытую Богомъ людямъ, она представляетъ и воспріятіе этой истины людьми. Каждый народъ и каждый человекъ воспринимаетъ ее по своему, по своему преломляя ее. Истина отъ этого не искажается, ибо исказить ее ничто не можетъ, но она становится легче проводимой въ жизнь, она находитъ пути вхожденія въ нее.

Поэтому-то религіи и являются высшей концентраціи народнаго духа, той точкой, въ которой какъ въ нѣкоемъ фокусѣ собираются эманации лучшихъ народныхъ настроеній и наклонностей и потому то онѣ и являются той сокровищницей, изъ которой можно черпать безконечную мудрость. Поэтому литература должна неизбежно учиться у религіи, — и это мы въ полной мѣрѣ видимъ въ русской литературѣ. И мы видимъ, **что она учится** жалости къ ближнему.

**

Русская религіозно - философская мысль восприняла эту идею народнаго православія. Изреченіе В. Розанова: — «Ни одинъ человекъ не заслуживаетъ похвалы. Каждый человекъ заслуживаетъ жалости», — является доказательствомъ этого. Цѣнность этой фразы особенно велика потому, что она принадлежитъ мыслителю не только чрезвычайно глубокому, но, что гораздо важнѣе — чрезвычайно искреннему. Рѣдко кто можетъ съ такой беспощадностью, съ такой откровенностью производить, если можно такъ выразиться, «смотреть собственной совѣсти», — какъ это дѣлаетъ Розановъ. Недаромъ эта фраза помѣщена въ книгѣ озаглавленной «Уединенное», т. е. тайное, сокровенное, въ глубинѣ души спря-

танное. Эту фразу, я думаю, можно было бы поставить эпиграфомъ къ любому произведенію русской религіозно - философской мысли.

Намъ остается разсмотрѣть насколько этотъ путь къ человѣку, путь жалости воплотимъ въ жизни, т. е. есть ли этотъ путь тернистый и извилистый или же онъ отъ природы лежитъ въ душѣ каждаго человѣка и каждому человѣку надо только расчистить его и пойти по нему.

У Шопенгауэра есть положеніе, что человѣкъ сострадаетъ и человѣку, и животному. Такъ какъ это постоянное наличіе состраданія и его безусловно природное, а не искусственное происхожденіе не могутъ быть объяснены иначе, какъ родственностью всего живого, то Шопенгауэръ, исходя изъ этого положенія, дѣлаетъ попытку объяснить происхожденіе всего живущаго изъ Единого Начала, которое и является звеномъ, роднящимъ все живое между собой.

Здѣсь мы видимъ, что наличность постоянного состраданія, свойственнаго человѣку, не только признается естественно-существующей, но и давно уже обратила на себя вниманіе философіи.

Но вѣдь жалость то и покоится на состраданіи; вѣдь состраданіе и есть жалость въ неосознанной формѣ. Путь къ ближнему указанъ, такимъ образомъ, самой природой.

Жалость можетъ возникать не только

въ силу физическихъ недостатковъ и несчастій ближняго. Она можетъ появляться и въ результатъ состраданія къ его духовнымъ недостаткамъ и къ его грѣхности. А кто же изъ насъ безъ грѣха? «Ни одинъ человѣкъ не заслуживаетъ похвалы» — начало Розановскаго изреченія. Но если такъ, — то естественно, что «каждый человѣкъ заслуживаетъ жалости».

Грѣхъ несетъ возмездіе въ самомъ себѣ, въ томъ отчужденіи вольномъ или невольномъ, отъ общества другихъ, которое грѣшившій испытываетъ. И въ этомъ отчужденіи рано или поздно придутъ угрызения совѣсти. И потому еще каждый человѣкъ заслуживаетъ особенной жалости и вниманія.

Путь жалости является, такимъ образомъ, наиболѣе простымъ и самую природою подсказаннымъ путемъ къ воплощенію въ жизнь любви.

Русской церкви и русскому народу принадлежитъ открытіе и утвержденіе этого пути; русской культурѣ принадлежитъ право явить этотъ путь міру, быть проповѣдницей его. Это одна изъ ея основныхъ задачъ и поэтому мы имѣемъ право утверждать, что она, дѣйствительно, несетъ въ міръ новыя цѣнности и имѣетъ право на почетное мѣсто учительницы не только своего народа, но учительницы міра и провозвѣстницы новыхъ и вѣчныхъ истинъ.

Н. Карножицкій

Совѣтскіе школьники

Европейская школа вырабатываетъ нѣкоторый общій типъ школьника. Совѣтская школа не можетъ создать такого общаго типа по цѣлому ряду причинъ. Принципъ классовой политики приводитъ къ тому, что въ совѣтской Россіи нѣтъ

единой школы, нѣтъ и равенства въ положеніи дѣтей въ школѣ. Есть школы привилегированныя — рабфаки, фзу (фабр.-завод. учил.), фзс (фаб.-завод. семилѣтка) и др., пользующіяся особыми симпатіями «совѣтской общественности»,